Егорычев Илья Эдуардович

СУБЪЕКТ И СОБЫТИЕ

"Онтология - это математика" - таков центральный, но далеко не очевидный тезис фундаментального труда Алена Бадью "Бытие и событие". Более того, в понятой таким образом онтологии не остается места событию. Достаточно ли оснований для столь радикального философского заявления? В статье предпринят анализ тех оснований, которые позволяют Бадью отождествить онтологию с математикой, описываются границы такой онтологии, а также осмысляется и дополняется выстраиваемая на границах онтологии теория субъекта.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/12-1/23.html

Источник

<u>Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики</u>

Тамбов: Грамота, 2012. № 12 (26): в 3-х ч. Ч. І. С. 99-104. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: woprosy-hist@gramota.net

УДК 111.83

Философские науки

«Онтология — это математика» - таков центральный, но далеко не очевидный тезис фундаментального труда Алена Бадью «Бытие и событие». Более того, в понятой таким образом онтологии не остается места событию. Достаточно ли оснований для столь радикального философского заявления? В статье предпринят анализ тех оснований, которые позволяют Бадью отождествить онтологию с математикой, описываются границы такой онтологии, а также осмысляется и дополняется выстраиваемая на границах онтологии теория субъекта.

Ключевые слова и фразы: онтология; субъект; событие; истина; верность; оператор верности.

Илья Эдуардович Егорычев, к. филос. н.

Кафедра культурологии Санкт-Петербургский государственный университет ricci_flow@inbox.ru

СУБЪЕКТ И СОБЫТИЕ[©]

Творчество Алена Бадью – это выдающийся результат в современной философии и в мировой культуре, и понять его необходимо, хоть и непросто – онтологизируемые им математические результаты чрезвычайно сложны для неподготовленного читателя. Осмысление сути доказательства Полом Коэном независимости континуум-гипотезы и разработанной им для этих целей техники форсинга, опираясь на которые Бадью выстраивает в «Бытии и событии» свою теорию Субъекта, требует довольно обширных знаний в области теории множеств и математической логики. «Логики миров» существенным образом задействуют идеи, развиваемые в интуиционистской логике, а соответствующий им математический аппарат выходит далеко за пределы общеобразовательного курса математического факультета (гейтинговы алгебры, теория топосов). В данной статье мы попытаемся разобраться в том, на каком основании Бадью отождествляет математику с онтологией, в том, где пролегают границы последней, и как из этого следует выстраиваемая им теория субъекта.

В культуре ничто и никогда не разумеется само собой – всякий культурный смысл всегда разумеется кем-то - подобный взгляд на культуру свойственен так называемой «софистической» или постмодернистской точке зрения, в соответствии с которой истина не открывается нам в качестве истины мира, а более или менее эффективно производится (а в самых радикальных версиях - симулируется) – и в этом смысле является радикально субъективной (человек есть мера всех вещей). С такой точки зрения оказывается совершенно справедливой мысль Витгенштейна: из того, что мне или всем кажется, что это так, не следует, что это так и есть, и в то же время в этом невозможно сколько-нибудь осмысленно усомниться. Другими словами, онтология либо невозможна, либо совпадает с гносеологией и существенным образом зависит от языка. Ален Бадью именует такую ситуацию (и он полагает, что данная точка зрения доминирует в современности) демократическим материализмом, суть которого, по его мнению, вполне может быть выражена своего рода слоганом: существуют лишь тела и языки [6, р. 1]. Самому же философу такая позиция представляется не только неудовлетворительной, но и ложной в сугубо философском смысле, и он противопоставляет ей свою собственную - материалистическую диалектику, которую разделяем и мы, и в соответствии с которой помимо тел и языков существуют (и это принципиально) еще и истины. То есть, несмотря на то, что все истины действительно производятся Субъектом, они остаются при этом истинами мира – действия Субъекта «вынуждают к истине» некоторые неразрешимые в онтологии суждения. Принимая ничем не мотивированное, с точки зрения того мира, в котором он живет, решение и продолжая иррационально верить в то, что событие все же имело место, «верный субъект» тем самым изменяет мир.

Чтобы обосновать выстраиваемую им самим метафизику, Бадью обращается к математике, поскольку, с его точки зрения, вся без исключения метафизика в части онтологии делается именно математиками, хоть они об этом и не подозревают. Более того, такое «забвение бытия» является необходимым условием производства ими онтологических истин. Задача же философии - лишь в том, чтобы «расчистить место», позволив истине математической сбыться в качестве истины онтологической.

1.

«What is not a being is not a being»¹, - пишет Бадью, ссылаясь на Лейбница и пытаясь тем самым сказать, что со времен Парменида онтология всегда исходила из фундаментальной интуитивной убежденности: то, что npedcmasneho, по своей сути множественно, но то, umo представлено, по сути своей едино. И тем не менее мыслить таким образом сколько-нибудь последовательно не получается. Ну действительно, если Бытие есть Единое, то множественное – это то, что не есть. Но поскольку множественное в то же время есть то, что представлено, а всякий доступ к бытию для нас возможен лишь через представление, то как мы вообще можем различить то, что себя представляет, отрицая представление? Бессилие мысли в данном вопросе очень

[©] Егорычев И. Э., 2012

¹ Что не есть бытие отдельное, то не есть бытие вообще.

хорошо выявлено Платоном в диалоге «Парменид» и, с точки зрения Бадью, может быть преодолено лишь так называемым аксиоматическим решением, которое необходимо имеет форму: Единого нет. Это ни в коем случае не противоречит нашей интуитивной убежденности в том, что существует единство, поскольку существует оно всегда только лишь как операция счета-за-одно, который не есть представление. Но при этом Бытие не есть также и Многое, так как Многое нам дано только в представлении...

Итак, Многое есть режим представления; Единое в отношении к представлению есть результат операции; Бытие есть то, что представляет себя. Исходя из сказанного, Бытие не есть ни Единое (поскольку только о представлении осмысленно говорить, что оно было сосчитано-за-одно), ни Многое, поскольку Многое есть всего лишь режим представления [5, р. 24].

Всякое представленное множество Бадью предлагает называть *ситуацией* или тем местом, где нечто имеет место¹. Каждой ситуации присущ свой оператор счета-за-одно, и задать такой оператор - значит, задать структуру ситуации в самом общем смысле: структура есть то, что предписывает представленному множеству некоторый режим счета-за-одно. Таким образом, всякая ситуация структурирована, и ее множественность лишь ретроактивно мыслится предшествующей Единому и лишь постольку, поскольку счет-за-одно всегда уже есть результат. Тот факт, что Единое есть операция, позволяет нам (также всегда находящимся в какой-то ситуации) предполагать, что то, в отношении чего она применяется (ее домен²), не есть Единое, и, следовательно то, что, не есть Единое, является множеством *внутри* представления, то есть, это множественность, проявляющаяся как некая инерция ситуации, в которую сама оппозиция единое/многое инсталлируется счетом-за-одно. Онтологический статус представленного, таким образом, оказывается фундирован как множественность, «за кулисами» процедуры счета. И такую множественность, которую Бадью называет *неконсистентной*, следует отличать от любых последующих объединений в множества уже сосчитанного-за-одно, которые всегда есть множественность *консистентная* или структурный эффект.

Итак, все, что представлено, есть множество, и, следовательно, нет ничего, кроме ситуаций, и онтология, если она вообще существует, также является одной из ситуаций. Означает ли это, что представленность Бытия является необходимой? Бадью полагает, что нет — скорее, Бытие *входит* в то, что представлено любым представлением, но само как таковое никогда не представлено. Разумеется, множественность представления в структурированной ситуации — а они все такие — это такое множество, которое было собрано на базе действующего в ситуации оператора счета. И все же представление *вообще*, благодаря ретроактивному действию оператора счета-за-одно, позволяет как бы «по инерции» полагать тот нередуцируемый к представленной множественности домен, на котором был определен данный оператор. И этот домен и есть Бытие — чистая неконсистентная множественность. И тогда онтологию как ситуацию мы могли бы определить следующим образом: как представление представления Бытия. Другими словами, если онтология как ситуация вообще возможна, то это должна быть ситуация чистой множественности, так сказать, множественности «в-себе»; онтология может быть лишь теорией неконсистентных множественностей как таковых. «Как таковых» здесь следует понимать буквально: в онтологической ситуации может быть представлено лишь множество, свободное от любых других предикативных определений, кроме своей множественности, то есть она может быть только *теорией множестве*.

Не без иронии Ален Бадью замечает, что в своей знаменитой фразе: «под множеством понимается соединение в некую тотальность хорошо различимых объектов интуиции или мысли» Георг Кантор собрал абсолютно все понятия, явного употребления которых стремится избежать аксиоматическая теория множеств: тотальность, объект, различение и интуиция [4, с. 173]. Множество становится множеством отнюдь не за счет тотализации, его элементы – не объекты, в ряде бесконечных совокупностей без дополнительных аксиом невозможно провести однозначных различий, и, наконец, никакой интуицией не схватываются все элементы достаточно большого множества. Таким образом, мысль – единственное, что остается от данного Кантором определения, что по сути возвращает нас к тезису Парменида: «Мыслить и быть суть одно», коль скоро не что иное, как само бытие скрывается под именем «множество».

Запрет, налагаемый аксиоматической теорией множеств на явное определение последнего, не есть какаято прихоть, но совершенно необходимая мера, поскольку иначе рушится весь язык теории множеств, очень скоро приводя к противоречивым следствиям из нее. Самым известным примером такого рода является парадокс Рассела.

Если мы обратимся к любой, не являющейся онтологической, ситуации, то заметим, что она имеет дело лишь с единицами и консистентными множествами единиц — таков эффект структуры: все, что в ситуации представлено, посчитано-за-одно в соответствии с присущим ситуации конкретным оператором счета, и, таким образом, никакая неконсистентная множественность в ней не может быть представлена. Неконсистентность как чистая множественность нами лишь предполагалась (угадывалась) как инерция изначально принятого решения: Единого нет. Изнутри же любой обыкновенной ситуации такое положение дел неразличимо, и это совершенно естественно, поскольку любая ситуация, не будучи представлением представления, необходимо отождествляет бытие с тем, что представлено, поэтому имманентное ситуации Единое есть, и тезис Лейбница для нее более чем правдоподобен.

1

¹ Place of taking-place.

² Описывая те или иные функции, принято различать их области определения и области значения. В английском языке этим понятиям соответствуют слова *domain* и *range*, которые представляются нам гораздо более удачными. Неслучайно философы чаще пользуются именно последними, говоря, к примеру, о «доменах действительности».

Таким образом, с одной стороны, ничто не остается непосчитанным в ситуации, но, с другой стороны, все то, что было посчитано, всегда есть уже результат счета. И поскольку оператор действовал на некоторой области определения, то в домене чистой множественности необходимо должно оставаться нечто, не совпадающее абсолютно с результатом счета – некий фантом, непредставимый остаток, неконсистентная множественность, исключенное любым режимом представления и одновременно входящее в любое представление как представление-в-себе, как знак того, что само бытие консистентности есть неконсистентность.

Такая непредставимая, неподвластная любому счету, чистая множественность, с точки зрения ситуации, с необходимостью есть ничто, но из этого еще не следует, что ничто не есть.

Итак, ничто есть имя непредставимого в представлении, и для любой не-онтологической ситуации это самое настоящее ничто, поскольку эффект структуры тотален. И тем не менее, онтология вправе говорить о бытии ничто как форме непредставимого, о таком ничто, которое именует невоспринимаемый разрыв между представленной консистентностью и неконсистентностью как тем, что еще только будет представлено. Это, с одной стороны, нечто, не являющееся объектом ситуации, и поэтому оно – то самое ничто, которое не было посчитано, а с другой стороны, это нечто, необходимое для того, чтобы оператор счета вообще смог начать действовать. Таким образом, это - ничто структуры (консистентности) и одновременно - ничто чистой множественности (неконсистентности). Используя терминологию Бадью, можно сказать, что это пустота, подшивающая ситуацию к ее бытию [5, р. 55].

Тем самым мы можем заключить, что коль скоро онтология есть особая ситуация, которая должна уметь представлять закон любого другого представления, то ее задача может состоять лишь в том, чтобы представлять представимую «подшивку» к бытию, которая, с точки зрения любого представления, есть пустота, ускользающая от счета в ситуации. Соответственно, единственным сугубо онтологическим термином, из которого в дальнейшем будет соткано все многообразие теоретико-множественных (онтологических) конструкций, свободных от любых явных определений, с необходимостью может быть только ничто или пустое множество \varnothing .

Онтологический запрет на событие – это, пожалуй, один из важнейших тезисов всей метафизической доктрины Алена Бадью: если событие есть, то, с точки зрения ситуации, оно не принадлежит бытию - но лишь сверх-бытию. Эту идею следует понимать буквально: онтология оказывается состоятельной как непротиворечивый дискурс о бытии, лишь только запрещая событие. Если мы примем тезис Бадью о совпадении онтологии и математики (в той ее части, которая соответствует аксиоматической теории множеств), то аксиома выбора оказывается единственным онтологическим высказыванием, которое указывает на связь бытия и события, поскольку, как мы только что показали, онтология запрещает событие. Данной аксиоме посвящены отдельные книги, по ее поводу ведутся жаркие дебаты, и вообще она представляется как предельно очевидным, так одновременно и совершенно мистическим утверждением 1. В ней утверждается, что мы всегда можем выбрать ровно по одному представителю из каждого непустого множества, принадлежащего данному. Говоря чуть строже, аксиома утверждает существование некоторой «функции выбора f», сопоставляющей каждому непустому множеству β , принадлежащему некоторому множеству α , один из элементов β .

$$\forall \alpha \exists f (\forall \beta (\beta \in \alpha \land \beta \neq \emptyset) \Rightarrow f(\beta) \in \beta)$$

В случае конечных множеств никаких проблем не возникает. Но существуют такие бесконечные множества, для которых такую функцию указать не удается. В качестве чрезвычайно наглядного примера, Бертран Расселл предлагал представить себе множество, состоящее из бесконечного числа коробок, к каждой из которых находится по паре ботинок. Очевидно, что мы легко можем выбрать из такой бесконечной совокупности ровно по одному ботинку из каждой коробки, всякий раз вынимая, ну, скажем, правый ботинок. Однако если ботинки заменить шнурками, то наше правило оказывается неприменимым: более того, несмотря на кажущуюся простоту операции, такого правила мы никогда не построим, и его приходится предполагать аксиоматически.

Можно возразить, что мы могли бы перенумеровать шнурки и все время выбирать шнурок номер один, но сделать этого мы также не можем: поскольку множество пар шнурков бесконечно, наша процедура нумерации никогда не закончится. Утверждение же о том, что мы в принципе способны осуществить подобную процедуру (любое множество может быть вполне упорядочено), называется теоремой Цермело и оказывается эквивалентной аксиоме выбора.

Итак, функция выбора гарантирует существование множества у составленного из представителей каждого непустого элемента множества α : $\delta \in \gamma \Rightarrow \exists \beta : \beta \in \alpha \land f(\beta) = \delta$.

Но гарантия эта существенно отличается от других аксиом². Если мы внимательно рассмотрим любую из них, то увидим их «конструктивный» характер: все свойства конструируемых с их помощью множеств всегда явно определены. В случае же аксиомы выбора это далеко не так - говорится весьма уклончиво:

 $^{^{1}}$ Бертран Рассел так отозвался об аксиоме выбора: «Сначала она кажется очевидной, но чем больше вдумываешься, тем более странными кажутся выводы из этой аксиомы; под конец же вообще перестаешь понимать, что же она означает» [1]. С помощью аксиомы выбора удалось сделать много математических открытий, которые были бы невозможны без нее. Однако среди следствий аксиомы есть и такие парадоксальные утверждения, которые вызывают интуитивные возражения среди части математиков. Например, появляется возможность доказать парадокс Банаха-Тарского - теорему, суть которой сводится к тому, что шар оказывается возможным разбить на конечное число частей и сложить из них два точно таких же шара. ² См. [1; 7].

 $f(\beta) \in \beta$. Но ни о том, как эта функция зависит от внутренней структуры множества α , ни о том, единственна ли такая функция, ничего не сообщается. Аксиома выбора, по большому счету, ставит в соответствие некоторому существующему множеству возможность множества его представителей, существование которого никак невозможно удостоверить, поскольку не указано никакого алгоритма реализации такой возможности, который можно было бы применить, сообразуясь с конкретным устройством исходного множества.

Другими словами, мы не располагаем ни законной процедурой, следуя которой мы могли бы выбирать представителей, ни, более того, возможностью, хоть как-то отличать друг от друга тех, кого выбрали. Таким образом, нелегальность и анонимность функции выбора — это цена, которую приходится платить Субъекту за такое бытие, в котором возможно новое. Другими словами, вопрос о том, имело или не имело место в ситуации событие, всегда должен решать сам Субъект — онтология лишь в принципе не исключает такую возможность, однако не располагает для реализации этой возможности никакими инструментами.

3.

Философия, по мнению Бадью, не производит истин. «Специфическая цель философии – предложить единое понятийное пространство, в котором *обретают свое место* именования событий, служащих отправной точкой истинностных процедур... Она не устанавливает никакой истины, а предоставляет истинам место» [3, с. 17]. Однако для философии нужны условия, и таковыми для нее являются эти самые истинностные процедуры, которые могут иметь место только в четырех областях культурной действительности: в науке, политике, искусстве и любви.

Бадью отождествляет истинностную процедуру, случающуюся в реальности, с техникой форсинга, при помощи которой американскому математику Полу Коэну удалось доказать независимость континуум-гипотезы: так весьма частный (хоть и значимый) результат в математической логике Бадью «подшивает» даже не к онтологии (онтология, как мы помним, запрещает событие), а именно к культуре. Чтобы сделать аналогию наиболее отчетливой, он буквально разрабатывает «новый язык», без усвоения которого не обойтись, если мы действительно хотим понять его мысль 1.

Итак, мир есть множество «ситуаций». Ситуация – это некоторое общепринятое положение дел, исходя из которого образующие ситуацию элементы объясняют себе происходящее. В науке – это существующая на какой-то определенный момент научная картина мира, в политике – мыслимые системы отношений между членами общества, в искусстве – все то, что признается, скажем, музыкой, живописью и т.д. Каждой ситуации присущ свой собственный язык, и все, что в ней мыслимо, оказывается поименовано. Совокупность всего, что может быть сказано в ситуации, Бадью называет энциклопедией, в которой узнаваемо множество формул языка, задающих конструктивный универсум. Детерминантом энциклопедии называется подмножество ситуации, выделенное из нее какой-то конкретной формулой (аксиома выделения), и любой элемент ситуации, если он вообще существует, попадает под тот или иной детерминант. Чтобы мыслить новое, «неконструктивное», таким образом, необходима интервенция – любая процедура, утверждающая, что некоторое событие имеет место. Поэтому интервенция - это всегда также и ввод в язык означающего, для которого в ситуации не существует референта, имени события. Интервенция теснейшим образом связана с аксиомой выбора, нелегальностью и анонимностью именования и не может быть отделена от верности тому событию, которое она именует. Мы помним, что исключительный характер аксиомы выбора определялся невозможностью указать никакую конкретную функцию, с помощью которой осуществлялся бы выбор представителей – и тем не менее, аксиома утверждает, что такой выбор всегда возможен. Таким образом, несмотря на то, что понятия события и верности событию уже не принадлежат онтологии, последняя все же располагает сугубо онтологическими средствами, с помощью которых мыслима бытийная возможность интервенции.

Хорошим примером того, о чем здесь говорится, будет фигура апостола Павла [2], чья деятельность в качестве субъекта начинается на пути в Дамаск с утверждения события: Христос воскресе. Здесь важно сразу указать на одно обстоятельство: имя события, как и определение родового множества, должно быть понятным изнутри модели – оба строятся исключительно за счет языковых ресурсов ситуации. В случае с Христом это означает, что заявление Павла было бы не неразрешимым, а попросту ложным, если бы ветхозаветная община уже не ожидала прихода мессии – то есть в какой-то иной ситуации, где сама постановка вопроса о том, действительно ли Иисус есть Христос или нужно продолжать ждать кого-то еще, была бы невозможной или абсурдной (например, в современном научном сообществе). Другими словами, высказывание «Иисус=Христос» является неразрешимым в совершенно определенном интеллектуальном топосе, и только в таком интеллектуальном топосе, где оно является неразрешимым, возможно «вынуждение» его истинности.

Всякая ситуация – это множество, и поскольку не существует множества всех множеств, то событие всегда будет иметь локальный характер – оно существенным образом зависит от тех обстоятельств, от той ситуации, внутри которой осуществляется интервенция, и действует оператор верности.

Верностью Бадью называет любой набор процедур, с помощью которых некоторый элемент ситуации присоединяется к событию, маркируется процедурой как верный. Важно подчеркнуть, что верность не следует рассматривать как способность, субъективное качество или добродетель: это всего лишь операция,

¹ В конце «Бытия и события» даже помещен небольшой словарь.

некий радикально иной режим счета-за-одно по неизвестному ситуации закону (Бадью обозначает эту операцию специальным символом: $a \square e_X$), в результате которого формируется конечное множество элементов, отмеченных своей причастностью (или непричастностью) к событию (разделяющих веру в то, что оно действительно имело или имеет место), некий протокол (enquiry) или результат исследования. В нашем примере с апостолом Павлом такими процедурами верности, безусловно, являются крещение, проповеди самого Павла, увеличивающие число обращенных и т.п. Если взять политическую ситуацию вообще, то это, конечно же, – процедуры голосования, партийные списки, «классовое чутье» и т.д.

Бадью радикально разводит понятия истины и знания. Последнее принадлежит ситуации, точнее – ее энциклопедии. Истина же – это всегда «дыра» в знании, разрыв всех существующих порядков и классификаций. Оставаясь истиной ситуации, она, тем не менее, коренным образом преобразует ее. По этой причине она не может совпадать с существующим знанием, т.е. истина должна быть таким множеством, которое не подпадает ни под один энциклопедический детерминант ситуации. Отсюда вытекают сразу два требования, или ограничения, которым должно удовлетворять некоторое множество, если оно хочет претендовать на то, чтобы быть истиной: это его бесконечность и неразличимость.

Бесконечность необходима, поскольку бесконечным является число детерминантов в энциклопедии ситуации: множество строчек конечной длины, составленных из алфавита системы бесконечно, хотя и счетно. Более того, в ситуации нет несосчитанного и неназванного, в ней все поименовано, т.к. ситуация не терпит пустоты. «Вот почему, - пишет Бадью, - мир полон, и насколько бы это вначале ни казалось странным в определенных обстоятельствах, он всегда вполне оправданно может считаться лингвистически знакомым» [5, р. 331]. Поэтому любое множество, образованное неизвестным оператором верности событию, всегда уже как-то названо. Знание «ничего не хочет знать» о событии и любые новообразования маркирует как «уже бывшее»: влюбленные - это также и граждане, а «рабочий класс» - это просто рабочие фабрик. Таким образом, силы знания оказывается достаточно, чтобы обесценить событие в любых его проявлениях, обнаруживаемых оператором верности: «знание "бьет" верность своим безапелляционным "уже посчитано"» [Ibidem].

Именно по этой причине Бадью настаивает на том, что истина бесконечна — ей просто необходимо быть таковой, чтобы у нее оставался шанс быть узнанной в качестве таковой. Но, к сожалению, этого недостаточно. И здесь приходит на помощь понятие «родового»: Бадью в точности переносит идею Коэна на свой концепт истины — чтобы отличаться от простого энциклопедического знания, каждое из составляющих ее конечных множеств (enquiries) должно содержать в себе хотя бы один элемент, который будет отличать это множество от какого-то известного энциклопедии признака или свойства. Технически это может быть реализовано следующим образом: выше мы сказали, что любой совокупности, проявленной в ситуации оператором верности, как причастной событию в энциклопедии соответствует какое-то свое, определенное свойство. Значит, в ней находится и свойство, отрицающее данное. И задача состоит в том, чтобы в данную совокупность попал, по крайней мере, один элемент, обладающий этим несовместным свойством: если это рабочие завода, то следует поместить туда хотя бы одного интеллигента, если это, скажем, дети, то среди них необходимо должен оказаться взрослый и т.д.

Здесь сразу же возникает вопрос о реалистичности такого требования, и если в теории форсинга на него отвечает соответствующая теорема, то Бадью вынужден говорить лишь о вероятности. Логика его следующая: событие не имеет ничего общего со знанием, и оператор верности никак не связан с энциклопедией - с ее точки зрения, он действует в ситуации совершенно хаотически. «Нет причин, - полагает Бадью, - по которым могло бы не существовать такое множество, которое, будучи собранным событийным оператором из элементов, причастных событию, избегало бы при этом детерминанта ситуации» [Ibidem, р. 337]. Бесконечная последовательность собранных по такому правилу конечных результатов будет неразличимой в ситуации и, следовательно, может быть присоединена к ней без противоречия в качестве ее истины. Само же правило и будет являться родовой или истинностной процедурой.

Это чрезвычайно важный момент, на который необходимо еще раз обратить внимание, поскольку таким образом решается вопрос об онтологическом статусе истин. Истины именно потому принадлежат миру, являются истинами мира, а не вбрасываются в него по произволу субъекта, что необходимо должны быть согласованы с уже имеющимися в той или иной ситуации. И утверждение, противоречащее остальной части онтологии, не может стать ее истиной ни при каких обстоятельствах.

Теперь нами сказано достаточно для того, чтобы мы могли дать определение субъекта.

Субъект есть любая локальная, конечная конфигурация родовой процедуры, из которой поддерживается истина [Ibidem, р. 391]. То есть субъект есть тот, кто на конечный промежуток времени берет на себя функции оператора верности, поскольку именно он (субъект) маркирует причастных событию. Неслучайно Бадью часто сравнивает апостола Павла с Лениным, его деятельность - с революционной агитацией, а его послания – с программой партии: в результате такой деятельности образуются все новые общины, новые церкви, новые группы верующих - причем, верующих правильно и истинно. Ссылаясь на Паскаля, Бадью также утверждает, что история церкви есть история истины, и с учетом сказанного выше, это вполне оправданно. Понятно также, что деятельность субъекта конечна, нужны преемники и последователи, продолжатели дела.. Таким образом субъектом производится конечное число условий, вынуждающих бесконечную истину.

В заключение отметим, что субъект, по мнению Бадью, есть субъект истинностной процедуры, и, следовательно, он по определению действует в четырех упомянутых доменах: искусстве, науке, политике и

любви. Это значит, что, скажем, философ не может быть субъектом. Тем не менее, нам представляется оправданным увеличить число доменов истинностных процедур, по крайней мере, на один и добавить туда *личность* человека.

Человек, будучи конечным сущим, знание которого о мире существенным образом неполно, является в то же время изменчивым сущим. Причем, изменяясь, он тем самым изменяет и свое отношение к миру и с миром. Происходящие с ним изменения находят свое выражение, в том числе, и по преимуществу в том, как человек высказывается, а способ высказывания, с одной стороны, свидетельствует о степени пластичности и динамичности его мировосприятия, а с другой – влияет на них. Другими словами, то, как выглядит лингвистическая картина мира, непосредственно указывает нам на уровень развития человека, но само развитие личности состоит, преимущественным образом, в *производстве истин о себе самом*.

Список литературы

- **1. Аксиоматика теории множеств** [Электронный ресурс]. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Теория_Цермело_— _Френкеля (дата обращения: 09.10.2010).
- 2. Бадью А. Апостол Павел. Обоснование универсализма. М.: Университетская книга, 1999. 93 с.
- **3. Бадью А.** Манифест философии. СПб.: Machina, 2003. 184 с.
- **4. Кантор** Γ. К обоснованию учения о трансфинитных множествах // Кантор Γ. Труды по теории множеств. М.: Наука, 1985. 429 с.
- 5. Badiou A. Being and Event. N. Y.: Continuum, 2007. 526 p.
- **6. Badiou A.** Logics of Worlds (Being and Event 2). N. Y.: Continuum, 2009. 617 p.
- 7. Kunen K. Set Theory: an Introduction to Independence Proofs. Elsevier, 2006. 313 p.

SUBJECT AND EVENT

Il'ya Eduardovich Egorychev, Ph. D. in Philosophy
Department of Culturology
St. Petersburg State University
ricci_flow@inbox.ru

"Ontology is mathematics" - that is central, but by far not obvious thesis of Alain Badiou's fundamental work "Being and Event". Moreover, there is no place left for event in ontology understood in such a way. Are there enough foundations for such a radical philosophical statement? The author undertakes an attempt to analyze the foundations that allow Badiou identifying ontology with mathematics, describes the limits of such ontology, and also comprehends and supplements the theory of subject developed on the limits of ontology.

Key words and phrases: ontology; subject; event; truth; loyalty; operator of loyalty.

УДК 347.73

Юридические науки

Статья раскрывает целевые проблемные вопросы юридических прав и обязанностей политических партий в соответствии как с международно-признанными актами, так и нормативными правовыми актами Российской Федерации; определяет применительно к проблеме исследования различие понятий «субъект правоотношения» и «правоспособность», а также юридическую сторону правосубъектности политической партии; формулирует точные правовые критерии и основания признания политической партии субъектом права.

Ключевые слова и фразы: политические партии; правовое регулирование; правосубъектность; конституция; избирательные права; обязанности; юридическое лицо; Российская Федерация.

Теймур Эльдарович Зульфугарзаде, к.ю.н., доцент **Олег Михайлович Решетников**

Кафедра государственно-правовых дисциплин Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова teymur@yandex.ru; res-oleg@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ[©]

Современный правовой институт политической партии представляется недостаточно полным без точного определения его правосубъектности. Действительно, чтобы стать участником правоотношения, политическая партия должна обладать правосубъектностью, т.е. способностью иметь юридические права и обязанности

-

[©] Зульфугарзаде Т. Э., Решетников О. М., 2012